

Новосвященномученик
ДАМАСКИН,
епископ Глуховский

Первым вопросом, заданным мне приезжавшим в Польшу в 1928 г. агентом ГПУ был: «Как вы относитесь к декларации митрополита Сергия?»

Вы не поминаете митрополита Сергия, потому что не признаете его декларации, а раз вы не признаете декларации, вы – контрреволюционер.

Они, эти «неуставшие», будут, вероятно, в меньшинстве среди духовенства, но, ведь Церковная Истина не всегда там, где большинство!

А большинство духовенства?... – Жалкой будет судьба его.

Не становится ли, таким образом, «сторож Русской Церкви» – сторожем советского аппарата и не превращается ли сонм служителей Церкви в послушную и безответную армию «явных и тайных» сотрудников власти?

Отстраняющееся от Вас <т. е. митр. Сергия> меньшинство уверенно говорит об утрате Вами благодати.

Новосвящ. Дамаскин.

Новосвященномученик
ДАМАСКИН,
епископ Глуховский

ИЗДАТЕЛЬСТВО

✠ ПАРАКЛИТЪ ✠

ИПЦ 2003 г.

Дамаскин, епископ Глуховский

(Панагия на груди еп. Дамаскина подарена ему лично патр. Тихоном).

Данная работа составлена по книге протопр. М. Польского «Новые мученики Российские» (Jordanville. 1957 г.) и по иным различным документам и свидетельствам.

Житие новосвященномученика Дамаскина.

Среди сияющего сонма современных наших русских мучеников до конца оставшихся верными Христу и Его правде, ярко светится имя епископа Дамаскина, не только мученика, но и великого учителя Церкви, огненным словом укрепляющего христиан в верности Божиим путям, в отметании кривых путей лжи.

Родился преосвященный Дамаскин 29 октября 1877 г. в местечке Маяки Одесского уезда Херсонской губернии в семье бедного почтового чиновника. Имя его в миру было Димитрий Димитриевич Цедрик.

На всей семье Цедриков лежит отпечаток благодатности, верности «даже до смерти», это показывает хотя бы тот факт, что родной брат епископа Дамаскина, пошедший из светской семьи в начале октябрьской революции в священники, был вскоре расстрелян большевиками за бесстрашное исповедание веры и обличение большевиков.

Димитрий Цедрик окончил среднюю школу и Высший Сельскохозяйственный институт со специальностью агронома.

В предреволюционное время, наряду со страшными мертвящими веяниями приближающейся апокалипсической бури, были сильны и противоположные веяния

великого духовного обновления и возрождения, которые и дали нам ярче солнца сияющий сонм неустрашимых великих святителей и мучеников.

Более всего эта возрождающая, пробуждающая духовная деятельность проявлялась перед революцией в работе архиепископа, впоследствии митр. Антония /Храповицкого/¹ и созданного им церковного, монашеского движения в молодежи. Под воздействие владыки Антония попал и молодой агроном Димитрий Цедрик, также, как и его брат.

Поэтому, по окончании Сельскохозяйственного института он перешел на курсы Восточных языков при Казанской Духовной академии и, окончив их, принял монашество.

В сане иеромонаха он переехал в Бейгуань, в православную миссию в Пекине. Здесь он работал на миссионерском поприще настолько успешно, что в светском журнале «Нива» был помещён особый очерк о деятельности молодого иеромонаха и небольшое судно — спасательная лодка, была названа в его честь «Дамасы-хошен».

Во время Великой войны в 1914 г. состоял в отряде Красного Креста на Кавказском фронте.

Во время революции он вернулся в Россию. В это как раз время мученическая кончина постигла его брата, священника о. Николая. Быть может вместе с братом, быть может отдельно, когда-то в это же время (1918 г.), большевики где-то, не то в Орловской, не то в Тульской губернии, захватили в первый раз о. Дамаскина и приговорили его к смертной казни. Нам неизвестно, как он избежал её, быть может, спасли белые войска. «В эти минуты перед человеком проходит вся его жизнь», — вспоминал впоследствии об этом моменте смертельной

опасности владыка.

В 1919 г. он прибыл в Киев к любимому им митр. Антонию. Владыка Антоний, зная и любя о. Дамаскина, назначил его епархиальным миссионером. В то же самое время о. Дамаскин поступил слушателем в сохранившуюся еще тогда Киевскую Духовную академию, но не успел закончить её. Уже тогда молодой иеромонах Дамаскин очень отчетливо понимал апокалипсический смысл современных событий. В проповеди на молебне во Владимирском братстве при Михайловском монастыре он цитирует «Повесть об Антихристе» Владимира Соловьева, указывая на современные события, как на свершение страшных пророчеств.

При отступлении белой армии о. Дамаскин удалился в Крым, где тесно сблизился с праведным архиеп. Таврическим Димитрием /Абашидзе/². Последний возвёл о. Дамаскина в сан архимандрита и назначил его настоятелем Свято-Георгиевского монастыря близ Балаклавы, который потом во время советско-германской войны, был большевиками взорван вместе с размещенными там ранеными и эвакуированными. Вскоре после установления советской власти в Крыму архиеп. Димитрий и архим. Дамаскин были арестованы, сидели несколько месяцев в тюрьме и после суда были освобождены с высылкой за пределы Крыма. В это время он написал известное по городу обращение к архиеп. Иоанну, впадшему тогда в обновленческий раскол, призывая его вернуться в лоно Православной Церкви. Между прочим в этом письме были такие слова: *«Вникните только, что из себя представляет Живая Церковь. В основе её — ложь, орудие её — насилие, цель её — разложение Православной Церкви»*. Далее он пишет: *«Мне*

пришлось недавно проездом остановиться в одном городе, где один умирающий епископ, уже почти на смертном одре, покаялся в своем уклонении в раскол, и благо ему, что он вскоре скончался, вернувшись в лоно Православной Церкви. Владыко, я знаю, что Вас может заботить мысль о завтрашнем дне. Я смею Вам предложить у себя приют и всё необходимое. Владыко, вернитесь, Вас ждёт скорбящая Православная Церковь». Кроме этого обращения к архиеп. Иоанну, оставшегося без желанного результата, о. Дамаскин написал ходившее отпечатанным на пишущей машинке, его разъяснение верующим по вопросу церковного раскола, озаглавленное: «Правда о Живой Церкви». Архиеп. Иоанн, год спустя, оставшись в Живой Церкви, внезапно скончался во время всенощной под Крещение Господне, находясь в момент смерти у престола, к общему смущению верующих, услышавших от протодиакона, после поминовения о здравии, заупокойную ектению об усопшем владыке.

В это время большевики начали за границей кампанию по пропаганде, среди эвакуировавшихся «белых», идеи возвращенчества. Можно предположить, что случайная милость большевиков к подсудимым явилась не только в силу абсолютной невинности подсудимых, но и за то, что они не эвакуировались за границу вместе с «белыми». Высланные из Крыма, архиеп. Димитрий прибыл в Киев, а о. Дамаскин отправился в Москву.

К 1923 г. архим. Дамаскин оказался в Москве, и здесь Святейший Патриарх Тихон³ лично хиротонисал его в сан епископа города Глухова, находящегося на границе Черниговской и Курской областей, с поручением управлять всей Черниговской епархией во время заточения её архипастыря, архиеп. Черниговского Пахомия /Кедрова/⁴.

Прибывши в епархию, преосвященный Дамаскин распорядился изготовить копии своей архиерейской грамоты и разослать их в подведомственные ему приходы. Ниже приводится текст этой «ставленнической грамоты»:

«Великий Архиерей Господь Бог наш Иисус Христос, иже всем человеком хочет спастися и в разум истины прийти, дал есть овы убо апостолы, овы же пророки, овы же благовестники, овы же пастыри и учителя.

Того спасительным промыслением Архимандрит Дамаскин от Святейшаго Патриарха и Священнаго при нем Синода утвержден и определен быти Епископом Богоспасаемаго града Глухова, Викарием Черниговския Епархии: по чиноположению Святыя Апостольския Восточныя Церкви, содействующу Всесовершающему и Всесвятому Духу, в лето от воплощения Бога Слова 1923-е, месяца Ноября в день 5-й, во граде Москве, во храме Иконы Донской Богоматери, что в Донском монастыре, Святейшим Тихоном, Патриархом Московским и всея России, Преосвященными Архиепископом Черниговским и Нежинским Пахомием, Епископом Ананьевским Парфением Рукоположен во Епископа Глуховскаго.

Во свидетельство же рукоположения Дамаскина (в мире Димитрий Димитриевич Цедрик) во Епископа Глуховскаго дадеся сия грамота, руками нашими подписанная.

Тихон, Патриарх Московский и Всея России.

Никодим, Архиепископ Таврический и Симферопольский.

Пахомий, Архиепископ Черниговский и Нежинский.

Парфений, Епископ Ананьевский.

№ 139

22 ноября 1923 года».

Деятельность еп. Дамаскина в Черниговской епархии была кратковременной, но кипучей: большую часть времени он проводил в поездках по городам и селам епархии. Вне её он посетил и такие крупные центры, как Киев и Харьков. Всюду необыкновенный епископ совершает служения в переполненных храмах.

Много раз его арестовывали. Однажды, после нескольких недель тюремного заключения, его освободили в канун какого-то большого праздника. Прямо из тюрьмы владыка проехал в церковь на всенощную. Измученный заключением и допросами, он не мог стоять при помазывании народа елеем и сидел на кафедре. В алтаре у него сделался сердечный припадок. Но на другой день он совершенно бодро служил св. литургию.

Это первое время прямых гонений власти и грубого живогонимого и обновленческого бунта против Церкви было ярким живым периодом великого расцвета духовных сил церковных деятелей, их одушевленной борьбы за дело Господне. Церковь, стоя на непреложном каноническом основании, руководимая бескомпромиссными вождями: Патр. Тихоном, потом митр. Петром /Полянским/⁵, архиеп. Серафимом /Самойловичем/⁶, выделяла из своей среды сонмы неустрашимых победоносных мучеников, торжественно, легко уничтожавших грязный обновленческий раскол и отбивавших происки богоборческой власти.

В общей сложности еп. Дамаскин с арестами пробыл в Черниговской епархии около двух лет. В 1925-1926 гг. он был выслан в Харьков и уже здесь арестован, а потом отправлен в Москву, где сидел в Бутырской тюрьме. Совершенно неизвестны вообще подробности его пребывания в тюрьмах. Он никогда об этом не рассказывал,

а на расспросы келейника обычно отвечал: «А что же, там люди хорошие, я и сейчас готов опять туда».

Из Бутырской тюрьмы он был выслан в Туруханский край, в поселок Полой (на 250 километров севернее Туруханска и на 10 град. севернее полярного круга). Коротким летом туда добираются на пароходе, а в другое время — по замёрзшему Енисею на собаках. Ранней осенью, когда навигация уже прекратилась, а санный путь еще не установился, еп. Дамаскин прибыл в Красноярск и пробыл здесь некоторое время. Большой и богатый рыбопромышленный город на реке Енисее, с многочисленными церквями и монастырями, колокольным звоном и со всем религиозным бытом, еще не был здесь стеснен большевистским режимом, как в других местах России, и владыка не встретил здесь никаких житейских затруднений. Духовенство, монашеские и народ проявили к ссыльному епископу, ожидающему отправки за полярный круг, огромное внимание. Он имел квартиру, служил по церквям и снискал такое расположение верующих, что даже его келейника-подростка, который потом проездом был здесь, встречали с распростертыми объятиями.

Интересно отметить, для характеристики тогдашнего времени и немыслимого впоследствии внутренне свободного, вопреки гонению, отношения к Церкви верующего народа, что ссылаемого епископа встретило в Красноярске одушевленное горячее почитание и духовенства, и мирян. Ему устроили в городе хорошую квартиру, его приглашали служить по церквям, которые на его службы особенно наполнялись верующими.

В ноябре, как только установился санный путь, владыка был отправлен в Полой. Хотя Полой в качестве

поселка отмечен на большинстве географических карт даже школьного атласа, но в действительности этот посёлок состоит лишь из одного двора, где живёт со своей семьёй русский охотник, и ещё одного дома, в котором проживало два сосланных епископа (один из них по имени Николай — архиеп., имя другого неизвестно). Кроме того, на некотором расстоянии от обоих домов находилась полуразрушенная туземная хижина, в которой и поселился еп. Дамаскин.

Весной к нему приехал его келейник, молодой послушник, он рассказал владыке, как и его — юного монаха, при проезде через Красноярск, тамошнее духовенство и население встречало с горячей любовью и вниманием. Вдвоем с келейником еп. Дамаскин стал сам чинить своё жилище и с наступлением недолгих тёплых солнечных дней развёл небольшой огород. Зелень с того огорода и посылки, которые поступали к нему от оставшейся беспредельно преданной своему владыке Черниговской паствы, давали владыке возможность существовать в его глухом заполярном поселении, возможность спастись самому и спасти своих сообитателей от обычно свирепствующей тут цинги, и даже укрепить здоровье, пошатнувшееся после жестоких тюремных испытаний. Физически он себя чувствовал здесь все же неплохо, несмотря на холода, в которых он застудил себе ноги, и особенно сердце, которое после стольких тюрем и всего, что связано было с этим, было не в порядке. Невозможно описать в кратком очерке остальных подробностей полярной жизни и быта владыки. Ссылка в двадцатых годах далеко уступала в жестокости тому, что было позднее.

Здесь же в Полое вл. Дамаскин писал свои знаменитые вдохновенные послания, которые сделали его имя известным, любимым и почитаемым не только во всей ве-

рующей России, но и далеко за её пределами, можно сказать, во всем церковном православном мире. Письма приносят ему сюда вести о потрясениях, которые испытывает церковь. По поводу закрытия храмов в г. Нежине он пишет короткое, но выразительное послание своей нежинской пастве.

В августе 1927 г. еп. Дамаскин получил известную декларацию митр. Сергия /Страгородского/, устанавливающую союз церковного управления с безбожной государственной властью, в которой тот заявляет о своей лояльности к Советской власти, требует таковой же от всего подведомственного ему духовенства, приносит Советской власти благодарность за её попечение о Церкви и обвиняет всех осужденных Советской властью епископов и священников в том, что по их вине не установлены добрые отношения между властью и Церковью.

Эта декларация митр. Сергия произвела страшное впечатление на еп. Дамаскина. Он сразу понял, что ею Русской Церкви нанесён самый тяжкий из всех ударов. По поводу этой декларации вл. Дамаскин написал свыше 150-ти писем и посланий, и среди них своё самое известное послание*, ставшее ярким свидетельством и против той части заграничного духовенства**, которое в свободных условиях, не принуждаемое, в 1927 г. откололось от Зарубежной Церкви и подчинилось политике митр. Сергия, дав подписку в лояльности богоборческой Советской власти.

Отправить это послание и все 150 писем на ту же тему просто по советской почте — было невозможно. Поэтому еп. Дамаскин решил пожертвовать самым для себя ценным — сообществом своего друга и собрата

*Так называемое «Киевское послание»; см. на стр. 20, настоящего издания.

**Здесь идёт речь о ,так называемом, «евлогийанском расколе».

келейника. Он отправил его в Москву с поручением часть писем развести и передать лично адресатам, а часть разослать из разных попутных городов по почте.

Зимой 1928 г. мимо Полоя везут митр. Казанского Кирилла⁷ в посёлок ещё севернее. После этой встречи они остаются любящими друзьями и обмениваются письмами по поводу декларации митр. Сергия. Два святых стояльца за Божию правду встретились и с того времени связались самыми тесными узами дружбы и абсолютного взаимного понимания. Для дальнейшей церковной истории эта встреча двух мучеников-святителей имела огромное значение, потому что именно тогда, в течение этих нескольких дней пребывания митр. Кирилла в Полое, были заложены основания и оформлены принципы того церковного движения, не идущего ни на какие компромиссы ни с богоборческой властью, ни с поработившейся этой власти церковной администрацией, которое мы именуем Катакомбной Церковью или Истинно-Православной Церковью.

Сохранилось письмо еп. Дамаскина митр. Кириллу: *«Совершается суд Божий над Церковью и народом русским... Совершается отбор тех истинных воинов Христовых, кои только и смогут... противостоять самому зверю. Времена же приблизились несомненно апокалипсические... Все наши усилия теперь должны быть направлены на установление прочных связей между пастырями и пасомыми... и по возможности исправить совершённый грех путём противодействия злу, до готовности даже кровию смыть грех свой».*

В ноябре 1928 г. кончился срок ссылки еп. Дамаскина. Он приехал в Красноярск и здесь впервые встретился с тлетворными, отравившими всю церковную атмо-

сферу последствиями соглашательской политики митр. Сергия. Вместо мужественной смелости и решительности, безбоязненной верности Церкви и её мученикам, царивших тут за два года до того, теперь в церковных кругах Красноярска воцарились страх, раздвоенность, нерешительность. Ссылного епископа, единство с которым и с подвигом которого бесстрашно исповедовали верующие красноярцы ещё осенью 1926 г., теперь, в ноябре 1928 г., эти же люди пугались и сторонились.

Оттуда он пишет друзьям: *«Много горечи впитал я за это недолгое время, когда наблюдал местную церковную жизнь Енисейска и Красноярска; что же встречу в Москве, и дальше?..»* Он переживает колебания, обычные для освобождаемых заключенных духовного сана: на свободе хуже, чем в заключении, и предстоит новая борьба и новые страдания. Так как в свою епархию запрещено возвращение, то владыка избирает г. Стародуб, бывший в его епархии и теперь принадлежащий Брянской губернии.

На пути из Сибири он заболел настолько, что едва добрался до Москвы, где и пролежал больше недели с зачинавшимся воспалением лёгких. Но только благодаря этому случаю он мог задержаться в Москве, повидаться с нужными людьми и, главное, иметь продолжительную беседу с митр. Сергием 11-го дек.. *«Если издали я ещё предполагал возможность данных, которыми бы оправдывалось поведение его, то теперь и эти предположения рушились»*, — писал он по поводу этого свидания. *«На мои два вопроса: — 1) Считаете ли Вы, что решение Ваше является голосом соборного иерархического сознания Российской Церкви?; 2) Имеете ли Вы основание считать Ваш личный авторитет достаточным, чтобы противопоставить его*

сонму маститых иерархов, совершенно не разделяющих Вашу точку зрения? — Вы не дали ответа», — пишет он в послании самому митр. Сергию. В посланиях к народу еп. Дамаскин подчеркивает упорство, с каким митр. Сергей продолжает игнорировать мнение подавляющего числа иерархов, несогласных с его курсом, как и голос возмущения верующих масс. Советский обман с декларацией был уже совершенно очевиден. У многих «легализованных» (т. е. принявших декларацию митр. Сергия) общин были отняты последние храмы. Происходила не легализация, а ликвидация Церкви, но с поощрения уже главы Церкви. *«Неисчислимы, бесконечно тягостны внутренние последствия декларации — этой продажи первородства Истины за чечевичную похлёбку лживых и неосуществимых благ»*, — пишет еп. Дамаскин.

В мае 1929 г. он получил приглашение от митр. Серафима Петроградского /Чичагова/, быть его помощником, и отказался, как и раньше от сергиевских предложений. *«Есть и другое предложение, — пишет он, — от ссыльных отцов: приехать к ним в ссылку добровольно. Чувствую, что это было бы наиболее безопасное местопребывание, но не хочется ни о чём просить господ»*. В это время он организует посылку гонца к митр. Петру Крутицкому в деревушку Хэ, Обдорского района, Тобольской области. Он желает, чтобы раздался голос самого законного Местоблюстителя Патриаршего престола на всю Русскую Православную Церковь по поводу действий его заместителя. Диакон К. объехал несколько городов и собрал нужную сумму на дальнюю дорогу. В 22-х документах еп. Дамаскин представил полную картину самого разнообразного материала и копии сергиевских распоряжений и обращений. По-

сланец с трудом добрался до деревушки за 200 километров от железной дороги. Даже в самой деревне трудно было разыскать старого, больного монаха, ютившегося в углу избы среди многочисленной семьи хозяина. Никто из местных жителей, туземцев и язычников, не знал, кто именно у них обретается. Посланец застал митр. Петра совершенно больным. Остаться в деревне и ждать ответа было опасно и для посланца, и для митр. Петра. Всё посланное оказалось совершенной новостью для последнего. После ознакомления, *"Дедушка"* (так условно называет в письмах еп. Дамаскин митр. Петра) говорил о положении и дальнейших выводах из него почти моими словами». Сразу письменного ответа нельзя послать по обстоятельствам чисто внешнего характера. Посланец должен был как можно скорее убраться. Какую бы широкую контрреволюционную организацию раздули бы из этого дела чекисты, захвати они его на месте или в дороге. Однако, письменного ответа еп. Дамаскин от митр. Петра никогда не получил. *«Я прихожу к мысли, что даже решительное слово митр. Петра (дедушки) не изменит существенно положения»*, — пишет владыка уже в октябре 1929 г..

В этот период своей жизни в г. Стародубе он уже приучает своих друзей и последователей к мысли, что **христианство на Руси вынуждено будет уйти в подполье. Влиять на широкие слои народа потеряна всякая возможность.** Ведет переписку с архиеп. Димитрием /Любимовым/⁸. Поддерживает связь с Киевскими «иосифлянами» (по имени одного из основателей Катакомбной, Истинно-Православной Церкви в СССР — Иосифа Петроградского⁹). Сюда, в Стародуб, к нему приезжает на окормление известный на Украине катакомбный священник и проповедник отец Димитрий /Иванов/¹⁰.

27 ноября 1929 г. его снова арестовывают. На этот раз обвинителем его в контрреволюции был ставленник митр. Сергия — стародубский благочинный, ревностный сторонник декларации. По постановлению ОГПУ Западной обл. от 28 мая 1930 г. приговаривают к 10-ти годам лагеря. Епископа ссылают в Соловки в лагерь СЛОН (Соловецкий лагерь особого назначения). Там он встречает многих своих единомышленников, с которыми ранее был знаком только по переписке. В этот период корреспонденция с ним была очень затруднена — письма не доходили, ответы не получались.

Выпущенный в 1934 г. на свободу, он почти ничего не рассказывал об этом своем пребывании, кроме того, что голод заставлял соловчан собирать на берегу моря ракушки улиток. Отдохнуть от окружавшего его «бедлама» он, по его словам, уходил в лес. Другие к этому добавляли, что он там погружался в молитву, что и понятно и естественно.

Теперь широкая деятельность невозможна, прошла пора длинных посланий к многочисленным верующим, многолюдных собраний на богослужения. Общее и внутрицерковное антирелигиозное или безбожное разложение заставляли думать уже не о спасении большинства — а меньшинства. Епископ Дамаскин снова у себя, на юге России, собирает малое стадо, основывая Катакомбную, Истинно-Православную Церковь. Обьезжает знакомые города, навещает своих единомышленников. Просит маститого протоиерея, Киевского профессора, в свою подпольную паству, и тот отказывается и тем огорчает владыку до сердечного припадка. Протоиерей не понимает ещё, что идёт не легализация церкви, а её ликвидация и почти тотчас платится: его арестовывают и он умирает в тюрьме.

Друзья и последователи владыки стараются держать в тайне его местопребывание, но он не снимает рясы, не обрезают свою бороду, не теряет своей архиерейской осанки. Он посещает Киев и проходит мимо тех мест, где он когда-то жил и служил, где всё дорогое закрыто, опустошено, исковеркано. Он точно прощается с этими местами. Заезжает в посёлок Ирпень, близ Киева, где находилась тайная катакомбная община, возглавляемая о. Димитрием /Ивановым/, в которой пребывала матушка София /Гринева/¹¹. Здесь он совершает постриг м. Софии в схиму. К этому моменту еп. Дамаскин пришёл к заключению, что **время борьбы за церковную правду уже миновало. Осталось одно: уйти в молитву и умозрительную духовную жизнь.**

Осенью этого же 1934 г. он снова арестован. Теперь уже не разрешаются передачи с пищей, одеждой и деньгами. Кто исчез за воротами тюрьмы, тот вычеркнут из жизни навсегда. Дошли слухи, что он работал в Казахстане бухгалтером, даже хотели сделать колхозным агрономом, но НКВД не позволило. С разными этапами гоняли его на север, а потом на юг. Во время одного такого этапа он взвалил на свои плечи ослабевшего своего духовного сына о. Иоанна С. и так нёс его до стоянки; а то бы отстающего пристрелили.

В 1935 г. в Казахстане владыку опять арестовали и отправили в Сибирь. Долго не было никаких вестей, а потом рассказы о его смерти. Его в очередном этапе везли на далёкий север. Где-то на берегу великой сибирской реки глубокой осенью ждали паром. В последнюю минуту привели ещё одного священника, одетого в лёгкий подрясник. Он дрожал от холода. Епископ Дамаскин снял с себя верхнюю рясу и со словами: «у кого две одежды, дай неимущему», закутал в неё священника. Но надорванное

здоровье не выдержало стужи, он тут же на пароме, на котором этап должен был ехать несколько дней, умер. Тело его опустили на дно реки*.

Новосвщмч. Дамаскин один из тех, кто стоя у истоков основания Катакомбной, Истинно-Православной Церкви в России, все силы положил на то, чтобы сохранить Невесту Христову — Церковь. Что и сделал он сам лично, не пойдя ни на какие компромиссы с духом мира сего, с нечестием и ложью, и в своем лице сохранил Невесту Христову — Церковь. Ибо по слову ап. Павла, *Церковь есть столп и утверждение Истины*. И кто хранит эту Истину и не отступает от Ней, тот и сохраняет в самом себе Церковь, Христа, который сказал: *Я есть Истина*. Исповеданием веры еп. Дамаскина, на текущий момент времени земного существования Церкви, перед лицом господствующего зла — явились его жизнь и смерть. Они свидетельствуют о полном неприятии курса митр. Сергия и его последователей, Московской Патриархии. Вот таковым исповеданием веры — через тюрьмы, Полой, Соловки, Казахстан и Сибирь — новосвщмч. Дамаскин взошёл на свою Голгофу и сохранил Церковь в себе и себя в Ней — и Ею прославился.

* По другой версии, со слов келейника, слышавшего её от священника о. Андрея Б., отбывшего ссылку и бывшего в подпольной (т. е. Катакомбной) Церкви еп. Дамаскина и потом накануне прихода немцев на Украину разстрелянного, владыка сидел в одной из сибирских тюрем. Из общей камеры его перевели в штрафную одиночку без окон, без освещения. На полу этой камеры — замёрзшая вода, стены покрыты инеем. Очевидно его посадили в неё в наказание. За что: за молитву, за проповедь? — неизвестно. В этом холоде и мраке, может быть без пищи, его продержали, пока он не получил отморожение ног, и не началась гангрена. В тюремном лазарете он и умер от общей гангрены на почве отморожения ног.

Группа катакомбных христиан г. Ирпеня (Украина, 30-е годы XX-го столетия). Еп. Дамаскин в центре. Слева от него схиигуменья м. София (игуменья Покровского монастыря, вышедшая из него, со многими сестрами, после издания декларации митр. Сергия /Страгородского/).

Киевское послание*.

Разбор декларации митр. Сергия /Страгородского/.

Шестого августа (по старому стилю) этого года (1927 — Ред.) в жизни Русской Церкви совершилось большое событие.

Заместитель Патриаршего Местоблюстителя, митр. Сергей, вместе с, так называемым, «Временным Патриаршим Синодом», опубликовал «Обращение ко всем чадам Русской Церкви».

За последние 10 лет не было документа, который бы рассчитывал иметь такое значение в церковной жизни, на какое претендует сие «Обращение».

При первом знакомстве с этим документом, возникает мысль сопоставить его с обращениями к народу ныне покойного Патр. Тихона. Однако, эти последние не претендовали на то значение, на которое претендует обращение. Надо сказать, что послания Патриарха, хотя и были обращены к народу, но всегда носили личный характер. В них Святейший говорил о своих ошибках, о своих взглядах, о своих намерениях. Он один нёс ответственность за свои слова. Не предполагалось, что кто-нибудь другой будет вынужден этими актами к составлению подобных же актов, к каким-либо действиям.

Совсем иначе обстоит дело с декларацией митр. Сергия. Как видно из неё, она неразрывно связана с, так называемой, «легализацией», она является только первым актом, сделанным в центре, кото-

* Это «Послание» составлено еп. Дамаскиным Глуховским.

рым неизбежно должны последовать соответственные действия на местах — во всех уголках Русской Церкви.

«Мы надеемся, — говорится в декларации, — что легализация постепенно распространится и на низшее наше церковное управление — епархиальное, уездное и т. д.».

Итак, митр. Сергей начал со своими помощниками дело, которое должно вызвать активность всех клеточек церковного организма. Он легализировался, конечно, на условиях издания своей декларации. С роковой необходимостью отсюда следует вывод: все клеточки церковного организма, если только они хотят быть в единстве с центральным органом церковной власти, должны тоже легализоваться и, конечно, на тех же условиях.

Значит, своим деянием митр. Сергей принимает на себя обязательство за всех членов Русской Церкви, ставит нас в необходимость не только прослушать его послание, как слушали мы прежде послания Патриарха, но он вынуждает нас или решительно встать на тот путь, которым идёт он сам — путь легализации и декларации, или же встать на путь разделения с ним, со всеми вытекающими отсюда церковными и политическими последствиями. Вот какую важность, какое значение имеет декларация.

Когда мы видим перед собою документ, принимающий на себя обязательство за целую организацию, первый вопрос, возникающий в нашем сознании, это вопрос о том, уполномочены ли нравственно и юридически лица, подписавшие документ — говорить от имени всей организации?

При нормальных условиях, Русскую Поместную Церковь возглавляет Патриарх. Однако, по смыслу церковных законоположений о Патриаршестве, установленных Московским Собором 1918 г., и Патриарх не является единодержавным правителем Церкви и полномочным выразителем Её голоса. Он действует в неразрывном союзе с выборными Собором органами — Священным Синодом и Высшим Церковным Советом. По существеннейшим же вопросам он может принимать решения только совместно с Собором. Ясно, словом, что Патриарх обязан решать важнейшие вопросы церковной жизни, считаясь с общецерковным мнением, а прежде всего со всем епископатом Русской Церкви. Так обстояло бы дело, если бы во главе Русской Церкви стоял всенародно выбранный Патриарх.

Но кто такой митр. Сергей?

Митр. Сергей — заместитель Местоблюстителя Патриарха, который, хотя и отделён от нас тысячами вёрст и стеною своего заточения, однако, благодарение Богу, ещё жив, является ответственным за Русскую Церковь перед Богом святителем и поминается во всех храмах Русской Церкви.

Говорят, ещё недавно, полушутя, митр. Сергей говорил о себе, что он — только «сторож» в Русской Церкви. Принадлежат ли эти слова митр. Сергию или нет, но они хорошо характеризуют то положение, которое ему по праву должно принадлежать в церковном строительстве.

Раз Местоблюститель жив, то естественно, его заместитель не может без соглашения с ним предпринимать никаких существенных решений, а должен только охранять и поддерживать существую-

щий церковный порядок от всяких опасных опытов и уклонений от твёрдо намеченного пути.

Митр. Сергей, «сторож» Русской Церкви, не имеет права без санкции митр. Петра и сонма русских иерархов, и находящихся на свободе, и разбросанных по местам ссылок, декларировать и предпринимать ответственные решения, которые должны в дальнейшем определить жизнь церковного организма в каждой его клеточке.

Наличие при митр. Сергии, так называемого, Временного Синода не изменяет положения. Синод митр. Сергия организован совершенно не так, как предполагают постановления Московского Собора 1918 г.. Он не избран соборно, не уполномочен епископами, и потому не может считаться представительством епископата при митр. Сергии. Он составлен самим митрополитом и является, собственно говоря, как бы его личной канцелярией, частным совещанием при нём. Кстати сказать, ведь даже и самая конституция Синода приписывает ему исключительно личный характер: с прекращением почему-либо полномочий митр. Сергия, автоматически падают и полномочия Синода.

Всё это говорит за то, что поскольку заместитель Местоблюстителя декларирует от лица всей Церкви и предпринимает ответственные решения без согласия Местоблюстителя и сонма епископов, — он явно выходит из пределов своих полномочий.

Переговоры с митр. Петром и со всем русским епископатом несомненно должны были быть выдвинуты митр. Сергием, как предварительные условия возможности для него всяких ответственных выступлений.

Но дело обстоит еще хуже. Митр. Сергей действует не только без согласия епископата, но явно вопреки его воле. Кто в курсе трагической русской церковной жизни последних лет и кто внимательно вчитается в текст декларации, тот, конечно, увидит, что **темы, о которых говорит декларация, вовсе не новы**. Перед нами «пресловутые вопросы», по поводу которых в течение последних лет предлагали высказываться представители власти и ответственным руководителям церковной жизни, и рядовым работникам на ниве церковной, как единолично, так и коллективно.

Это четыре вопроса: об отношении к Советской власти, об отношении к заграничному духовенству, главное, об отношении к ссыльным и «нелегальным» епископам и, наконец, вопрос о форме церковного высшего управления в связи с автокефалией. Они именно и трактуются в декларации.

Множество епископов, а также и других церковных деятелей, определённо высказывались по поводу этих вопросов и вовсе не в духе декларации митр. Сергия. Митр. Сергей не может не знать об этом. Перед его глазами декларация Соловецких узников, которую можно считать наиболее полным и обоснованным выражением тех точек зрения, на которых стоит епископат и лучшая часть духовенства Русской Церкви.

Правда, отдельными группами духовенства, в отдельных епархиях делались попытки издания деклараций, приближающихся по духу к тому, что мы видим в «Обращении». Но эти попытки вызывали всегда наружное негодование и в среде епископата, и в среде влиятельнейшего духовенства. **Они**

считались равносильными переходу в обновленчество и быстро ликвидировались с позором для тех, кто их предпринимал.

Митр. Сергей не может, следовательно, ссылаться на незнание воли епископата, на то, что трудно услышать его голос. Нет, голос этот звучал неоднократно и громко, и кто не считается с ним, тот делает это, конечно, не потому, что не знает, а потому, что не хочет. **Митр. Сергей не хочет считаться с убеждениями своих собратьев-епископов, томящихся за эти убеждения в тяжёлых изгнаниях.**

Декларация говорит о самых больных и самых страшных вопросах нашего церковного бытия.

Откуда тот ужас, тот кошмар, в котором мы изнемогаем вот уже столько лет? Где причина того, что Церковь, официально признанная законодательством имеющей право на свободное существование, находится в положении совершенного бесправия, в состоянии «нелегальности»?

Кто виноват в том, что наши святители умирают в холоде тундр и в сыпучих песках пустынь? Лучшие представители духовенства большее время проводят в тюрьме, чем у себя дома. Наши обители уничтожаются, останки святых оскорбляются, и мы не имеем возможности совершать молитвословий, так как наши храмы переданы отступникам. Где причина этого?

Декларация дает на это определенный ответ. Митрополит говорит о принятой им на себя трудной задаче — поставить Церковь на путь легального существования. И по его словам, мешать

осуществлению этой задачи «может лишь то, что мешало и в первые годы Советской власти устройению церковной жизни на началах лояльности. Это — недостаточное сознание всей серьезности совершившегося в нашей стране». «Настроение известных церковных кругов, — читаем мы дальше, — выразившееся, конечно, и в словах, и в делах, и навлекавшее подозрение Советской власти, тормозило и усилия Святейшего Патриарха установить мирное отношение Церкви с Советским правительством».

Всюду декларация противопоставляет это нелояльное прошлое — лояльному будущему, которое будет выражено в делах.

Так вот истинная причина наших неописуемых церковных бедствий. Она в нас самих, — в нашей нелояльности. Это причина единственная, которую подчёркивает митр. Сергей.

Но, указание митр. Сергия не ново. Мы не раз слышали его и от представителей власти, и от наших церковных врагов — обновленцев всех видов, которые обвиняли нас в нелояльности и преступности.

Но мы называли это обвинение клеветой. Мы говорили, что оно не может быть подтверждено фактами. Мы указывали на то, что за все эти годы среди фигурировавших на судах политических преступников против Советской власти — не было видно представителей духовенства.

Мы обращали внимание на то, что за все эти годы все нарушения закона об отделении Церкви от государства, все отобрабления храмов, все кощунст-

венные осквернения святынь, все оскорбления и глумления духовенство встречало гробовым молчанием.

Где «слова и дела» наши, где наше реальное преступление? Так говорили мы нашим обвинителям.

Но что скажем мы, когда управляющий нами святитель сам произносит нам страшный приговор, сам говорит о «словах и делах»? Не ставят ли эти слова чёрный крест над всеми невыразимыми страданиями, пережитыми Церковью за последние годы, над всей Её героической борьбой за само-сохранение? **Не объявляет ли он весь подвиг Церкви — преступлением?**

И как прочитают эти слова те, кто изнемогает теперь в далеком изгнании? Что почувствуют они, увидев обвинителя в лице своего ответственного собрата, и не сорвется ли страшное слово «клевета» у них в ответ ему? Не покажется ли им, что даже покой усопших тревожит этот приговор, подписавших декларацию, епископов?

В своей декларации митр. Сергей говорит не только о прошлом, но также о настоящем и будущем: не только о том, что было, но и о том, что должно быть. Нелояльности прошлого противопоставляет он лояльность настоящего и будущего. По его словам, теперь «наша Патриархия решительно и бесповоротно становится на путь лояльности». Он указывает, что теперь «нужно не на словах, а на деле показать», что мы можем быть «верными гражданами Советского Союза, лояльными к Советской власти». Но, каково же должно быть это «дело»?

Указания, на этот счет, декларации — противоречивы. С одной стороны, декларация как-будто

бы требует того, на что духовенство и церковные люди с чистой совестью соглашались в течение всех этих лет — полной аполитичности, решительного отграничения храмовой и церковной жизни от политической работы и политических симпатий.

Говоря о людях, настроенных политически оппозиционно к существующему порядку, митрополит предлагает им, «оставив свои политические симпатии дома, приносить в Церковь только веру и работать с нами только во имя веры». Такое требование, которое представляется по существу законным, тем не менее оказывается односторонним, потому что оно обращается не ко всем вообще членам Православной Церкви, а только к людям определённых политических настроений.

Но, этого мало. Наряду с требованием отказа от одних политических настроений, декларация определённо предлагает нам запастись другими. Наш долг оказывается не только в том, чтобы отказаться от оппозиционных настроений к власти во время нашей церковной работы, «наш долг в том, чтобы обнаружить солидарность с этой властью...» **«Мы должны, — говорит декларация, — показать, что мы... с нашим правительством».**

Испытывать определённые политические настроения — наш долг. «Мы должны сознавать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой — наши радости, а неудачи — наши неудачи. Всякий удар, направленный в Союз: будь то война, бойкот, какое-нибудь общественное бедствие, или просто убийство из-за угла, подобное Варшавскому, сознается нами, как удар, направленный в нас». Здесь декларация вводит нас в

водоворот определённых политических оценок. Только и здесь наблюдается робкая недоговорённость. Всё должно иметь определённую логику — политика, так политика. Отождествление себя с правительственным аппаратом с логической неизбежностью должно быть доведено до конца. Раз в вопросах внешней политики (из области которой берёт митрополит свои примеры), мы должны занять определённую позицию, то не та же ли позиция, не то же ли отождествление себя с властью («показать, что мы с нашим правительством») — обязательны для нас и в вопросах политики внутренней?

Не становится ли, таким образом, «сторож Русской Церкви» — сторожем Советского аппарата и не превращается ли сонм служителей Церкви в послушную и безответную армию «явных и тайных» сотрудников власти?

И как тогда должны будут реагировать церковные люди на такие факты внутренней советской политики, — как поругание святынь, отобраение храмов, разрушение обителей?

Об этом ничего не говорит митр. Сергей со своими собратьями.

Он настроен чрезвычайно оптимистически по отношению к переживаемому моменту. По поводу предполагающейся легализации он предлагает выразить «всенародно нашу благодарность Советскому правительству за такое внимание к нуждам православного населения...».

В чём же «внимание» правительства и за что ему наша благодарность? Пока мы знаем один факт: митр. Сергей и члены Синода имеют возможность

заседать в Москве и составлять декларацию.

Они в Москве...

Но, Первосвятитель Русской Православной Церкви — митр. Петр, вот уже не первый год без суда обречён на страшное томительное заключение!

Они в Москве...

Но, митр. Кирилл, потерявший счёт годам своего изгнания, на которое он был обречён без суда, находится ныне, если он еще жив, на много сот верст за пределами полярного круга!

Митр. Арсений, поименованный среди членов Синода, не может приехать в Москву и в пустынях Туркестана, по его словам, готовится к вечному покою.

И многочисленный сонм Русских святителей совершает свой страдальческий путь между жизнью и смертью в условиях невероятного ужаса.

За что благодарить?

За эти неисчислимые страдания последних лет? За храмы, попираемые отступниками? За то, что погасла лампада преп. Сергия? За то, что драгоценные для миллионов верующих останки преп. Серафима, а ещё раньше, останки святителей: Феодосия, Митрофана, Тихона, Иоасафа — подверглись неимоверному кощунству? За то, что замолчали колокола Кремля, и закрылась дорога к Московским святителям? За то, что Печерские угодники и Лавра Печерская в руках у нечестивых? За то, что северная наша обитель (Соловки) стала местом непрекращающихся страданий? За эти мучения? За кровь митр. Вениамина и других убиенных святителей?

За что?

Однако, важно, одно нужно знать: верит ли митр. Сергей, верят ли все те, кто с ним, тому, что они говорят и пишут? Ещё недавно он говорил и писал совсем иначе. Ещё в прошлом (1926) году он разослал всем пастырям и чадам Церкви проект декларации, совсем иной, где политическая лояльность декларировалась рядом с определённо подчёркнутой противоположностью основных принципов мировоззрения.

Когда же был искренен митр. Сергей?

Что случилось за этот год, и почему изменились тон и содержание его обращений?

Вступительная статья, предваряющая в «Известиях» декларацию, говорит о вынужденном «перекрашивании» долго упорствовавших «тихоновцев» в «советские цвета». Она противопоставляет им «дальновидную часть духовенства», ещё в 1922 г. вступившую на этот путь, т. е. — обновленцев и живоглазых. **Статья эта, таким образом, определённо считает путь митр. Сергия проторённой дорогой обновленчества.**

Для нас же важен один вопрос: мог ли бы митр. Сергей перед Крестом и Евангелием присягнуть, что то, что он пишет в декларации, включительно до «благодарности», есть действительно голос его убеждений, свидетельство его неустрашённой и чистой пастырской совести?

Мы убеждены и утверждаем, что митр. Сергей и его собратия не могли бы сделать этого без клятвопреступления.

А может ли кто-нибудь от лица Церкви, с высоты церковного амвона возвещать то, в чём он не мог бы присягнуть, как совершенной истине?

Великий русский писатель Достоевский говорил когда-то об иноках русских: «Образ Христов хранят пока в уединении своём благолепно и неискажённо, в чистоте Правды Божией от древнейших отцов, апостолов и мучеников, и когда надо будет — явят Его поколебавшейся правде мира. Сия мысль великая. От востока звезда сия воссияет».

Правда мира поколебалась.

Ложь стала законом и основанием человеческой жизни.

Слово человеческое утратило всякую связь с Истиной, с Предвечным Словом, потеряло всякое право на доверие и уважение. Люди потеряли веру друг в друга и потонули в океане неискренности, лицемерия и фальши. Но среди этой стихии всеобщего растрепания, ограждённая скалой мученичества и исповедничества, стояла Церковь, как Столп и Утверждение Истины.

Изолгавшиеся и истомившиеся в своей лжи люди знали, что есть место, куда не могут захлестнуть мутные волны неправды, есть Престол, на котором Сама Истина утверждает своё Царство, и где слова звучат не как фальшивая, не имеющая ценности медяшка, но как чистое золото.

Не от того ли потянулось к Церкви за последние годы столько охваченных трепетом веры, сердец, которые до этого были отделены от Ней долгими годами равнодушия и неверия?

Что же скажут они? Что они почувствуют, когда и оттуда, с высоты последнего прибежища отвергнутой миром правды, с высоты амвона зазвучат слова лицемерия, человекоугодничества и клеветы?

Не покажется ли им, что ложь торжествует свою конечную победу над миром, и что там, где мерцал для них светом неувечерним Образ воплощённой Истины, смеётся в отвратительной гримасе личина отца лжи?

Одно из двух: или, действительно, Церковь Непорочная и Чистая Невеста Христова — есть Царство Истины, и тогда Истина — это воздух, без которого мы не можем дышать, или же Она, как и весь лежащий во зле мир, живёт во лжи и лжью, и тогда — всё ложь, ложь каждое слово, каждая молитва, каждое таинство.

«Кабинетными мечтателями» называет митр. Сергий тех, кто не хочет строить церковного дела по непосредственной указке ненавидящих всем сердцем веру людей, потому что ведь иначе нельзя понимать его неудобовразумительные слова — «закрывшись от власти».

Нет, мы — не мечтатели. Не на мечте, а на непоколебимом Камне воплощенной Истины, в дыхании Божественной Свободы хотим мы создать твердыню Церкви.

Мы — не мечтатели. Вместе с тем мы и не бунтовщики. Совершенно искренно мы отмежёвываемся от всякого политиканства и до конца честно можем декларировать свою лояльность. Но мы не думаем, что лояльность непременно предполагает клевету и ложь. Мы считаем, напротив, что политическая лояльность есть тоже, прежде всего, добросовестность и честность. Вот эту-то честную, построенную на аполитичности, лояльность можем мы предложить правительству и думаем, что она

должна расцениваться дороже, чем явное, похожее на издевательство, лицемерие.

И кажется нам, что не мы, а митр. Сергей и иже с ним пленены страшной мечтой, что можно строить Церковь на человекоугодничестве и неправде.

Мы же утверждаем, что ложь рождает только ложь, и не может она быть фундаментом Церкви.

У нас перед глазами позорный путь «церкви лукавнующих» — обновленчества; и этот же позор постепенного погружения в засасывающее болото всё более страшных компромиссов и отступничества, этот ужас полного нравственного растления неизбежно ждёт церковное общество, если оно пойдёт по пути, намеченному деяниями Синода.

Нам кажется, что митр. Сергей поколебался в уверенности во всемогущество Всепреодолевающей Истины, во Всемогущество Божие, в роковой миг, когда он подписывал декларацию.

И это колебание, как страшный толчок, передастся Телу Церкви и заставит его содрогнуться. Не одно человеческое сердце, услышав слова декларации в стенах храма, дрогнет в своей вере и в своей любви, и, может быть, раненое в самой сокровенной святыне, оторвётся от обманувшей его Церкви и останется за стенами храма.

И не только в сердце интеллигенции вызовет декларация мучительный соблазн.

Тысячеустная молва пронесёт страшное слово в самую толщу народа, новой раной поразит многострадальную душу народную, **и во все концы земли пойдёт слух о том, что Царство Христа стало царством зверя.**

Неисчислимы эти бесконечно тягостные внутренние последствия декларации, этой продажи первородства Истины за чечевичную похлёбку лживых и неосуществимых благ.

Но кроме этих внутренних последствий, конечно, будет иметь она и другие последствия, более очевидные и осязаемые.

Уже несутся из отдалённых ссылок голоса протеста, голоса скорби и негодования. К этим голосам присоединится всё наиболее стойкое и непоколебимое в церковных недрах.

Немало найдётся тех, для кого лучше умереть в Истине, чем жить во лжи, тех, кто не переменит своего знамени.

Над Церковью навис грозный призрак нового раскола*!

С одной стороны будут они — «неуставшие» от своих изгнаний, тюрем и ссылок, обречённые на новые, ещё более страшные испытания. К ним присоединится всё наиболее стойкое и непоколебимое в церковных недрах. А с другой стороны — станут полчища «уставших» от постоянного колебания и переходов, «покаяний» и непрекращающейся неустойчивости. **Они, эти «неуставшие», будут, вероятно, в меньшинстве среди духовенства, но, ведь Церковная Истина не всегда там, где большинство! И не всегда Она там, где административный церковный аппарат.** Об этом свидетельствует история великих святых: Афанасия, Иоанна Златоуста и Феодора Студита.

Но к ним прильнёт и пойдёт за ними, ищущая правды, душа народа.

* Что и случилось. Митр. Сергей и его последователи образовали новообновленную церковную организацию — Московскую Патриархию (МП).

А большинство духовенства?..

— Жалкой будет судьба его.

Оторванные от живого общения со всем, подлинно творческим и непоколебимым в Церкви, тщетно стараясь заглушить голоса обличений, несущиеся из глубины ссылок и тюрем, закрывая глаза, чтобы отвлечь от себя грозный призрак страдания исповедников, будут они, эти «уставшие», лепетать заплетающимися языками слова оправданий и нанизывать дрожащими руками на цепь лжи и компромиссов всё новые и новые звенья, втаптывая в грязь честь белоснежной Ризы Христовой.

Там впереди, маячат новые призраки: повторение легализации на местах, отрешение от кафедр епископов-исповедников, незаконные и недопустимые епархиальные съезды без ссыльных епископов, и незаконный Собор без первосвященника и других изгнанников, и **позорное примирение с обновленцами***, о котором уже говорят «легализовавшиеся» епископы и, наконец, отказ от Патриаршества. Ведь декларация определенно ставит Патриаршество под вопрос. Говоря о задачах будущего Собора, она указывает не выборы Патриарха, а «избрание Высшего Церковного Управления»**.

* Примирение с обновленцами произошло в 1943-44 гг. По приказу Сталина и компартии обновленцы покаялись и присоединились к Московской Патриархии и заняли руководящие посты (например: Патриарх Алексей I /Симанский/, как и митр. Сергей — бывшие обновленцы).

** Для удобства управления церковной организацией МП, через одного — Патриарха, Советская власть сохранила патриаршество, но с той поры все Советские Патриархи, начиная с митр. Сергия /Страгородского/, были назначаемы компартией, т. е. Сов. властью, через посредство КГБ, и точно также весь епископат. Пророческими оказались слова новосвдмч. Дамаскина «...и не превращается ли сонм служителей в послушную и безответную армию "явных и тайных" сотруddников власти?».

Какое жалкое и недостойное существование!

Воистину лучше умереть, чем так жить!

Там, в обителях небесных, плачут о нашей земле святители русские, стоятели за Церковь прошлых веков и мученики, и исповедники недавнего прошлого.

Там, в преисподней, тёмные силы ада готовятся торжествовать новую и решительную победу.

Черная туча нависла над Церковью.

Остановитесь же, пока ещё не поздно!

Остановитесь же, пока ещё не до конца поздно!

Остановитесь же, хотя бы ценою жертвы своим положением и благополучием!

Господи! Сжался над Твоею Церковью! Ведь Она всё же Твоя Невеста!..

ЕПИСКОП ДАМАСКИН.

Послание епископа Дамаскина Глуховского митрополиту Сергию /Страгородскому/.

Предметом моего письма будет, конечно, Ваша декларация и взятый Вами на основе её курс церковной политики. По всей вероятности, перед Вашим Высокопреосвященством уже вполне определилось отрицательное отношение к принятому Вами курсу со стороны почти всех ссыльных иерархов, а также массы верующих и пастырей. Поэтому Вам может показаться, что мне убогому, уже нечего будет сказать Вам по сему вопросу. Однако, в моём новом положении оказалось такое преимущество по сравнению с положением большинства ссыльных иерархов, именно то, что я на дороге из далёкой ссылки к месту новой, и более близких к родине краях — получил неожиданную возможность (благодаря заболеванию в дороге) быть в Москве и лично беседовать с Вашим Высокопреосвященством 11 дек. 1928 г..

Положение большинства ссыльных иерархов таково, что лишает их возможности быть своевременно в курсе церковных событий, а также получать точную информацию о положении. Многие даже до этих пор не имеют полного представления о создавшемся в Церкви положении. Вы же, воссевши на Первосвятительской кафедре, ниче-

го не предприняли со своей стороны, чтобы посвятить хотя бы виднейших из них в свои планы или хотя бы своевременно поставить их в известность о предпринятых уже Вами решениях. Приходилось довольствоваться небеспристрастными газетными сведениями, да сообщениями частных лиц, коим иногда мы опасались даже давать полную веру. Всё же принятый Вами новый курс постепенно уяснялся нами из доступных источников, и больно ранилось наше сердце, особенно когда возмущившая наши души измена Ваша определившемуся уже курсу церковной жизни ещё сопровождалась несправедливыми обвинениями нас — ссыльных и несогласных с Вами иерархов — обвинениями, на кои в своё время также не скупились обновленцы.

Не хотелось верить возможности такой перемены в Вас. Все мы предпочитали взять под сомнение не только частные сообщения, но и газетные известия. В конце концов, печальная правда подтвердилась, но нам всё думалось, что за столь соблазнительными положениями Вашей декларации скрывалась действительность неповреждённых церковных отношений и твёрдого стояния в истинном исповедании Евангельской Правды.

Скорбно, тяжело было узнавать об отходе от Вашего Высокопреосвященства группы достойных и маститых иерархов, читать массу писем от возмущённых Вашей декларацией пастырей и мирян. Доходили до нас сведения о посыпавшихся на почве такого расхождения с Вами прещениях и увольнении. Печальная правда предстала перед нами во всей своей наготе, а мы всё продолжали лелеять в душе своей корешок сомнения — что,

может быть, нам не всё известно, что, может быть, есть обстоятельства, нам неизвестные, коими оправдывается многое в Ваших поступках. Слишком **мы** доверяли Вашей мудрости, слишком глубоко были проникнуты прежним уважением к Вам, **точно сговорившись, продолжали издали сдерживать наиболее нетерпеливых из паствы нашей, чтобы предупредить, очевидно назревший раскол.** Страшно было думать о возможности раскола, и сейчас эта мысль ужасает нас.

Но вот я веду беседу лично с Вашим Высокопреосвященством. **Вы уверили меня, что стали на путь своей декларации совершенно сознательно и добровольно,** что Вы «осуществили лишь то, к чему неудачные попытки делали и почивший Патриарх и митр. Петр, только те делали шаг вперед, а два назад, Вы же разрубили узел... Ваши преемники вынуждены будут считаться с уже совершившимся фактом...» На мои два вопроса: **1) Считаете ли Вы, Ваше Высокопреосвященство, что решение Ваше является голосом соборного иерархического сознания Российской Церкви?; 2) Имеете ли Вы основания считать Ваш личный авторитет достаточным, чтобы противопоставить его сонму маститых иерархов, совершенно не разделяющих Вашу точку зрения? — Вы, Ваше Высокопреосвященство, не дали мне ответа, чем привели меня тогда в крайнее смущение.**

— Я считаю это полезным для Церкви... Мы теперь получили возможность свободно молиться, мы легализованы, мы управляем, — говорили Вы мне.

Пишу настоящее письмо уже после четырёхмесячного соприкосновения с глубинной жизнью цер-

ковных масс и в условиях относительной свободы, и скажу, что если бы Вы, Ваше Высокопреосвященство, взяли на себя труд, ближе присмотреться к широкой церковной жизни, вдуматься в содержание направляемых Вам, со стороны массы мирян и рядовых пастырей, протестов — Вы ужаснулись бы последствий принятого Вами курса и отказались бы любоваться делом рук своих.

Если Вы будете судить о положении в Церкви лишь по тому, что Московские храмы переполнены, что повсюду по епархиям ютятся кое-как назначенные Вами (большей частью на место иерархов, томлящихся в заточении и ссылках) епископы, которые имеют ещё по несколько храмов (в Харькове, например, только один) где служить; если благополучие Вашего управления будете усматривать в том, что Вы собрали «при себе» Синод, мало кем признаваемый, а посылаемые Ваши епископы восстанавливают в мизерной дозе прежние условия епархиальных управлений: кого-то назначают, кого-то переводят, по чьему-то требованию составляют отчёты на основе навязанных совне и весьма подозрительных по содержанию (далеко не в интересах Церкви) анкет от «легализованных» общин и пастырей, — то Вы очень далеко будете от понимания истинного положения в Церкви.

В живом теле Церкви — массе верующих — сейчас происходит глубокий процесс духовной дифференциации* по отношению главной спасительной идеи Церкви. Именно Ваша декларация вызвала этот процесс.

Появление Живой Церкви, обновленчества, само-

* Дифференциация — расслоение, разделение.

святых и проч., представляются мне, как необходимое явление, как сточные ямы, куда направляются всякие нечистоты. Туда и влилась вся накопившаяся за прошлый период Церкви гниль и духовно омертвевшая часть, главным образом, духовенства. Масс же верующих эти течения мало коснулись, так как большинство мирян там очутились больше по недоразумению. Ваш «курс» всколыхнул именно массу верующих, отношение же к нему иерархов как бы заранее определялось тем, что их почти всех арестовали предварительно, иначе Вам и не пришлось бы проводить «своего» курса.

Что касается рядовых пастырей, то наиболее сознательные из них, понимая, что они не могут действовать самостоятельно без епископов, занимают выжидательную позицию, кое-как мирясь с подчинением епископам Вашей ориентации, и лишь отдельные из них резко противятся проведению такими епископами в жизнь Вашего курса.

Главное разрешение вопроса Вашего — в массе верующих.

Смею думать, что не будь в Церкви нашей печального наследия синодального периода церковной жизни — почти поголовной церковной невоспитанности масс — не было бы места, в жизни нашей, многим несчастным явлениям пройденной четверти XX-го века. Именно эта невоспитанность оттолкнула одних, безрассудно, в обновленческое болото, других — в самосвятскую клоаку, третьих — в объятия безбожников. Эта же церковная невоспитанность удерживает и поныне многих в состоянии полной инертности по отношению к самому глубокому и тонкому соблазну, который лука-

во и с большим напором проводится врагами Церкви через посредство Вашей декларации.

...Я подхожу к оценке Вашей декларации с совершенно иной точки зрения — со стороны того соблазна, который она породила в массах, все последствия коего трудно даже предугадать. Итак, возвращаясь к настроению масс.

Над слоем массы, хотя и достаточно инертной, но все же отгородившейся от обновленческого болота и прочих клоак, возвышается масса довольно жизнедеятельных верующих, хотя и не могущих ясно разобраться в сложном церковном вопросе. Они больше живут чувством привязанности к храмовым службам, только в церкви чувствуют некоторую для себя отраду и умиротворение среди надвинувшегося мрака и холода жизни. Они привыкли полагаться на своих пастырей. Поэтому, внутренне возмущаясь Вашей декларацией и дальнейшими, на основании её проводимыми Вами мероприятиями, они, держась своих пастырей, не прерывают общения с Вами, являются невольными соучастниками Вашего греха, но с упованием взирают и ждут, кто бы их вывел из затруднительного положения. Наконец, над этим слоем возвышается ещё слой ревнителей благочестия, крепко задумывающихся над смыслом современных мировых событий, ищущих в Православной вере и Церкви опоры себе среди разразившихся уже и ещё ожидающихся катаклизмов жизни. Такие верующие, возмущённые в глубине души своей изменой Вашей заветам Христа и правде Православия, отвернулись от Вас и от всех тех, кто с Вами; они предпочитают не ходить в храмы, где возно-

сится Ваше имя, не говеть вот уже два года из боязни сделаться причастными греху Вашему. Они с упованием и страхом ждут голоса ссыльной Церкви.

Пусть таковых будет незначительное меньшинство, но кто решится презрительно отмахнуться от них, отнести их к разряду «кликуш», «необразованных монахов» или «тёмных крестьян», когда именно эти кликуши, необразованные, тёмные, в начале появления Живой Церкви и прочих раздирателей Церкви, не только сами не обманулись относительно этих выплывших из мрака «обновителей» Церкви, но во многих случаях удержали от этого болота и просвещённых пастырей своих. Очень опасно пренебрегать настроением этой, вовсе не незначительной группы, к которой в буквальном смысле приложимы слова Апостола: ...Ибо они среди великого испытания скорбями преизобилуют радостями, и глубокая нищета их преизбыточествует в богатстве их радушия, ибо они доброхотны по силам и сверх силы (я свидетель); они весьма убедительно просили нас принять дар и участие их в служении святым. И не только то, чего мы надеялись, но они отдали самих себя, во-первых, Господу, потом и нам по воле Божией (2Кор. 8, 2). Стоит ли чего вся ученость человеческая перед лицом такого искреннего горения верой, такой искренней готовности на любой подвиг исповедания, постоянных жертв не только материальных на пользу святого дела Церкви, но и ревности жизнь свою отдать за правду Христову со стороны этих «кликуш», «тёмных» и «необразованных»? А разве в этом лагере мы видим только серую массу? Разве мало среди них высокообразованных и просвещённых?

ных духовно мирян, а также достойных пастырей?

И Вы, и Ваши единомышленники, успокаиваете себя и парируете нападки на Вас тем, что, будто бы, декларация Ваша не противоречит канонам и даже находит себе оправдание в Слове Божием.

Если бы даже в действительности так было, то всё же пастырская мудрость должна бы побудить Вас далеко отшвырнуть от себя декларацию, раз она вызвала уже такие разделения. С одной стороны, ею нарушено то единство верующих, о котором молился Христос, накануне Голгофы, а с другой — произведено как раз не то разделение, о котором говорил Христос: Не мир пришёл Я дать земле, но разделение. Уже одного этого достаточно, чтобы пастырская совесть Ваша не оставалась спокойной, чтобы поспешить Вам исправить совершённую ошибку.

Но правда ли, что в своей декларации Вы не нарушили правил церковных? В упомянутых рукописях дано достаточное количество возражений на такое Ваше утверждение. Грустно думать о том, что мудрость Ваша попустила Вам настолько переоценить себя и свои полномочия, что Вы решаетесь действовать вопреки такому основному иерархическому принципу Церкви, который выражен в 24-ом правиле св. Апостолов. Но ещё больше грех Ваш против внутренней правды Церковной, против Евангельского завета — безбоязненно исповедывать Истину, как предстоятелю Церкви непрерывно стоять на страже Её. **Вы же отказались от одной из главнейших сущностей Церкви — Её свободы, поступились Её достоинством.** И всё

это из-за убогих человеческих соображений, из-за призрачных льгот от врагов Церкви и то лишь для сторонников навязанной Вам и весьма подозрительной по существу «легализации».

Грех Ваш ещё — внутренняя неправда самой декларации, основанной на боязливости. Ведь только в таком освещении становится понятным 8-й ст. 21-й гл. «Откровения», где «боязливые» поставляются наряду с неверными, убийцами и любодейцами.

Наиболее очевидный грех Вашего Высокопреосвященства — это принижение авторитета церковной иерархии в сознании верующих, произведённое Вашей декларацией. Подумайте над тем, Ваше Высокопреосвященство, как высоко вознесён был авторитет наших архипастырей, когда они, уверенно отменяя всякие сделки с предателями — обновленцами и с их внешними покровителями, спокойно шли на испытания и безропотно переносили узы и суровые сделки. Как шёл в горы тогда духовный подъём верующих масс, чувствовавших себе духовную опору в своих архипастырях! Чувствовалось тогда, что мы уже почти победили и страданиями своими завоюем свободу своего церковного бытия, даже среди советской культуры. А теперь... Страшно подумать, как пошатнули, подорвали Вы Вашей декларацией авторитет церковной иерархии, какую обильную жатву собирают на этой почве наши враги, как много верующих, не видя для себя доброго примера в своих пастырях, усомнились в своём уповании на Вечную Правду, и как много их посею отшатнулось от Церкви и погибает в сетях сектантства! Пользуются умело враги произведённым Вами в Церкви смятением и с уде-

сятеренной наглостью проводят свою безбожную программу...

О, Владыка! Подумайте, какая тьма погубленных душ на Страшном Суде смогут вину за свою гибель свалить на Вас! Да не будет так!

Как могла произойти столь разительная перемена во взглядах Вашего Высокопреосвященства? Такой вопрос, несомненно, вставал перед каждым из расположенных к Вам! Многие пришли к тому заключению, что в нужный момент не было возле Вас ни одного доброго советчика, а наоборот, тогда возможны были нажим и нащёптывания со стороны «устрашённых» и продавшихся им. Иного объяснения никто из знающих лично Вас не находил. И я, убогий, даже после уверений Ваших в том, что Вы сознательно и добровольно стали на этот путь, готов согласиться лишь с предположениями друзей Вашего Высокопреосвященства.

Но тогда, что мешает Вашему Высокопреосвященству отказаться от совершённой ошибки, исправить, выправить свой путь.

Вы заявили мне, что «берёте на себя всю ответственность перед Церковью за совершённое». Но какая цена такому заявлению, когда эту ответственность Вы уже распылили на группу безавторитетных и безответственных иерархов Вашего Синода. Чего стоит Ваша личная ответственность, когда причинённое Вами Церкви зло может быть непоправимо? Здесь нужны иные, более действенные средства для прекращения содеянного зла, чем торжественное заявление Вашего Высокопреосвященства о Вашей ответственности в будущем. Вся Церковь ждёт от Вашего Высокопреосвященства открытого

заявления — считаетесь ли Вы с мнением подавляющего большинства иерархов? На определённо выраженное несогласие с Вашей линией поведения почти всей ссыльной Церкви, а также на мольбы и протесты множества пастырей и мирян, ответите ли отказом от своего ошибочного шага и изменением курса своей церковной политики, или же предпочтёте утверждаться на основе уже совершённого Вами уклона в сторону расхождения со всей Церковью...

Рассматривая настоящий скорбный путь Российской Церкви в перспективе вечности, приходишь к проразумению высокого смысла всех настоящих испытаний. Угасание духа веры в массах, принижение спасительных идеалов Церкви, забвение своего долга пастырями, умножение на этой почве беззакония и иссякание любви многих не могли не привести к тяжёлым последствиям. Во всяком организме угасание духа вызывает конвульсии. Слишком далеко стояли мы в нашей церковной жизни от заповедей Христа, от руководства учением св. апостолов, от заветов св. отцов, мучеников и исповедников. Тяжкие скорби стали необходимы, чтобы хоть таким путём обратить наше внимание на великий грех призванных к святости носителей имени Христова. Может быть, во всём этом уже начало суда Божия над грешным миром, надлежит же начаться суду с дома Божия (1Петра. 4, 17). Благословлять подобает Господа за ниспослание нам настоящих испытаний, направленных для пользы и спасения нашего, а не прыгать в паническом страхе в болото, где позорная гибель заранее обеспечена.

Настоящие скорби можно рассматривать, как промыслительный отсев пшеницы от мякины, может быть, для нового доброго посева, а может быть, для создания кадров тех верных воинов Небесного Царя, коим предстоит противостать ближнему царству сына погибели. Все же мы дадим ответ Грозному Судие и за уходящих по нашей вине, и за гибнущих вне спасительной ограды Церкви овец Христова стада, за угасание светильника Евангельской Правды и Света на земле.

Задаётся ли Вы, Ваше Высокопреосвященство, иногда вопросом, какие практические результаты принесла Ваша декларация? Знающие лично Ваше Высокопреосвященство держатся того мнения, что к принятию настоящего курса Вы понуждались самыми добрыми и чистыми намерениями. Вы думали путём делаемых внешних уступок доставить Церкви мир и спокойствие, в коих Она так нуждается для залечивания нанесённых ей врагами многих ран. Но не следовало при этом упускать из вида, что сколько бы не делать сатане уступок, он будет требовать всё новых жертв себе, ибо такова природа зла; что сила Церкви и источник Её постоянного обновления не вовне, а внутри Её самой и что наиболее победный путь Её именно тот, который внешне выражается иногда в значительных жертвах с Её стороны. Этими жертвами больше всего выявляется сила духа Церкви, степень горения в Ней благодати Христовой. Только слабодушием и отсутствием веры в победную силу благодати Христовой объясняются уклоны обновленцев, а может быть и декларация Вашего Высокопреосвященства.

Оцените объективно, чего достигли Вы из того, что почитали полезным, «спасительным» для Церкви?

До нас доходили слухи о данном, будто бы, Вам обещании освободить и возвратить из тюрем томящихся там пастырей — исполнились ли такие Ваши расчёты? «Легализация» рисовала перед Вами возможность мирного развития церковной жизни — не злой ли насмешкой кажутся теперь такие Ваши надежды? Вы собирали уже деньги на издание печатного церковного органа, — разрешили Вам его?

Всё совершается совершенно обратно всем Вашим человеческим расчётам и упованиям. Последние храмы отбираются. Путём непосильных обложений, путем квартирных утеснений и путём всевозможных иных «нажимов» выживаются из сёл и удушаются в городах православные священники, и о таковом расчёте не стесняются откровенно заявлять представители власти на местах. Доходит до того, что за одно доказательство церковности даже рядовые крестьяне лишаются права пользоваться пайками в кооперации (вероятно, быть пайщиками кооперативов. — Ред.). А повсеместное открытое кощунство над святынями нашими. А возмутительная, связывающая каждый шаг духовенства на Украине, «регистрация», коей духовенство приравнено к уголовникам. А масса отдельных явлений, кои ещё недавно могли приниматься нами, лишь как бред сумасшедшего, настолько превосходят они границы мыслимого.

Вот Вы мне указывали положительные стороны Ваших достижений: «Мы легализованы, мы свободно молимся, мы управляем...» Но мне как-то стыдно думать, что Вы это говорили не в шутку, настолько

действительность зло подсмеивается над такими Вашими заявлениями. Простите, Ваше Высокопреосвященство, Вы совершенно не видите и видеть не хотите общей картины продолжающегося развала в Церкви.

А положение таково, что все, ставшие на путь Вашей декларации, каким-то образом утратили стимул к жизни, как бы выдохлись, лишились энергии. Церковная жизнь у них протекает кое-как, лишь по инерции при полной неспособности чему-либо противостоять. Таково настроение, как у пастырей, так и у мирян. Объясняется же это со стороны пастырей утратой твёрдой почвы под ногами, со стороны мирян — утратой доверия к личности Вашего Высокопреосвященства и иже с Вами иерархов. Неудивительно посему, что **отстраняющееся от Вас меньшинство уверенно говорит об утрате Вами благодати.**

Об этом настало время крепко пораздумать, ибо на этой почве углубляется гнусная работа безбожников, и всё большее число низовой массы отходит от Церкви.

О, Ваше Высокопреосвященство, пока не поздно, посмотрите к какой пропасти подвели Вы доверившихся Вам. И пока не поздно, торопитесь поправить свою ошибку!

Неужели никогда мысль Вашего Высокопреосвященства не останавливалась над тем обстоятельством, что, **разделяя своей декларацией пастырей на «легализованных» и «нелегализованных», бросая в сторону последних несправедливое обвинение в контрреволюции, Вы тем самым поставляете всю ссыльную Церковь и оставшихся**

ещё на свободе некоторых иерархов и значительную часть остальных пастырей под постоянные удары подозрительной Советской власти, которая только и выискивает предлоги для большего умерщвления ненавистного для неё духовенства. Не тем ли объясняется «бессрочность» ссылки наших первоиерархов. Известно ли Вам, например, в каких невыносимых условиях живут два достойнейших носителя православного церковного сознания — «бессрочно» Патриарший Местоблюститель митр. Петр и митр. Кирилл, оба больные и загнанные в такие условия с несомненным жестоким расчётом? Не мелькнула ли когда-нибудь у Вас мысль о том, что **«свободой и покоем» Вы пользуетесь за счёт медленного умирания неугодных первосвященников наших?** Если же подобная мысль хоть раз прожгла сознание Ваше, как можете Вы спокойно спать, мирно предстоять святому Престолу?

Известно ли Вашему Высокопреосвященству, что **введённая Вами новая формула поминовений многими называется провокационной...** Ведь она служит для властей блестящим поводом к обвинению в контрреволюции всех не принимающих, хотя **таковая формула отменяется всеми по чисто догматическим убеждениям** (ср. Ин. 5, 18).

Вы как-то просмотрели, в каких целях была навязана (ведь, Вы не совсем по своей воле ввели её?) Вам «новая формула молитвенного возношения». Ведь она служит к очевидному выявлению приемлющих и не приемлющих Вашу декларацию, как известную церковную политическую платформу. Самое возношение Вашего имени, не будь

декларации, не вызывало бы ни у кого возражений. Теперь же возношение Вашего имени в сознании верующих отождествляется с признанием декларации, почему и вызывает столько противодействий. Выступая со своей декларацией, Вы, может быть, не имели мысли навязывать её всем, (может быть, думали обмануть сатану, но его можно только отметить, но не обмануть), но помимо Вашей воли ловким маневром — введением формулы — достигается точное разграничение верующих, в результате коего может быть определенная формулировка обвинения со стороны известных органов: **«вы не поминаете митр. Сергия, потому что не признаёте его декларации, а раз вы не признаёте декларации, вы — контрреволюционер».**

Знаменательно, что **первым вопросом, заданным мне приезжавшим в Полой в 1928 г. агентом ГПУ был: «Как вы относитесь к декларации митрополита Сергия?»**

Вот какое, несомненно неожиданное для Вас положение устанавливается для Вас Вашим недуманным шагом.

Но ещё не всё я сказал Вашему Высокопреосвященству из того, чего ожидает от Вас Церковь, что почитает она долгом со стороны своего предстоятеля.

Может быть, многим покажется то требование страшным, однако в декларации иерархов, приготовленной было для представления правительству в 1925 г., к нему частично было приступлено. И я, убогий, считаю, что Церковь не выполнила бы своего назначения в жизни, как хранительница Еван-

гельской Правды, Истины и Любви, если бы не выступила со своим предостерегающим голосом против тех, проводимых новой культурой идей, кои насильственно внедряются в жизнь и ведут народ к аморализации. Церковь может и должна указать, что все мероприятия Советской власти, направленные, по-видимому, ко благу народа, но строящиеся на основе полного вытравления из души народа нравственных принципов, — являются постройкой на песке, ибо единственным зиждущим началом жизни является широкая любовь, а никак не насилие, злоба и ненависть, ведущие народ к одичанию и разложению.

Идея устройства рая земного, без Бога в небе и без совести в душе, больше похожа на гримасу сатаны. Церковь повелительным долгом своим почитает не отказываться от попыток возратить извращенное течение жизни к нормальному руслу. Опять-таки, это может быть сделано в формах совершенно приемлемых и потом не могущих быть рассматриваемыми правительством, как акт контрреволюции. Ведь, по существу, власть уже давно убедилась в аполитичности Православной Церкви и жалкие фразы отдельных представителей её о нашей контрреволюции являются лишь тактическим приёмом низкого пошиба.

В случае же, если Советская власть, рассудку вопреки, будет упорно продолжать рассматривать Православие вообще, как контрреволюцию, ну, что же — пойдём на Голгофу. Предварительно же Церковь должна исполнить свой долг перед миром и в этом направлении — выступить с авторитетным словом предупреждения к погибающему народу!

Вот путь, к которому Вы, Ваше Высокопреосвященство, призваны, на который Вы и согласились, раз решились воссесть на кафедре предстоятеля Церкви Православной в такой грозный момент Её истории. И Вы уже не можете быть вычеркнуты со страниц Её истории: или в сонм исповедников своих впишет имя Ваше Российская Церковь, или же отнесёт к числу изменников Её миротворительным идеалам.

Не выполните этого долга Вы, сделает это другой, но слово предупреждения, слово вразумления должно быть сказано Православной Церковью, хотя бы и врагам Её. Сделаете это Вы, Ваше Высокопреосвященство, и Церковь забудет все Ваши ошибки и заблуждения, она благословит Вас навеки. Во всяком случае, Ваша ближайшая задача — исправить причинённое Церкви зло путём отказа от ошибочных актов Ваших — должна быть Вами выполнена, иначе сами Вы рискуете оказаться за оградой Святой Православной Церкви.

Ваше Высокопреосвященство! Не подумайте — я одинок, решившись выступить перед Вами со словом правды. Смею быть уверенным, что большинство ссыльных иерархов почти также мыслят разрешение созданного Вами невыносимого положения.

Настоящий грозный момент истории Российской Церкви, если мы по достоинству не оценим его значения, может закончиться грозным приговором: Отнимется от вас Царство Божие и будет дано народу приносящему плоды Его. Да не будет же имя Вашего Высокопреосвященства заклеяно историей, как одного из гасителей Святильника Российской Церкви!

Как-то не хочется верить, чтобы Ваше Высокопреосвященство продолжало упорствовать в своём курсе среди ясно выраженного общего возмущения им. И я — меньший из меньших иерархов Церкви, побуждаемый искренней любовью, как к Церкви Христовой, так и к Вашему Высокопреосвященству, дерзаю усердно умолять Вас: внимлите, Владыко, скорби и стонам верующих, кои отовсюду несутся к Вам, кои даже за полярным кругом не давали нам покоя, внимлите общему голосу верующего народа, каковой, несомненно, является и «голосом Божиим», трезво оцените отрицательные результаты Вашего курса; взгляните в открывающуюся перед Вами пропасть неизбежного раскола, ужаснитесь ответственности за угасание огня веры в массах, произведённое Вашей декларацией.

Подумайте об ответственности Вашей перед историей и об ответственности на Страшном Суде Божиим — и откажитесь от Вашего курса, от Ваших компромиссов; аннулируйте Вашу декларацию, как акт личного Вашего заблуждения и выходящий за пределы Ваших полномочий. Явите себя глашаемым Вечной Правды и истинной любви Евангельской перед миром; отбросьте человеческие мудрования и расчёты. Станьте на путь твёрдого исповедничества во имя Христово. Не бойтесь возможности горших скорбей и испытаний для Церкви (они неизбежны, и Ваши компромиссы лишь принижают их значимость), ибо Церковь возликует, идя вслед за сим на новую Голгофу, и даже в страданиях своих благословит имя Ваше, зная, что главнейший источник разлагавшего Её начала Вами уничтожен.

Но, увы, если Вы, Ваше Высокопреосвященство, станете упорствовать в Вашем курсе и открыто пренебрежёте голосом Церкви, то она, продолжая свой крестный путь, откажется от Вас, как соучастника с Её распинателями.

Большинство ссыльных иерархов до сих пор не предполагали, что в действительности Вы, и Ваши единомышленники ушли гораздо дальше, чем мы в состоянии были предполагать, что Вы перешагнули далеко за намеченную Вами черту, и дальше путь Ваш идёт уже с очевидным уклоном по направлению за ограду Церкви. Постепенно истина эта открывается для всех.

Мы все остановились, не идя с Вами, и продолжаем умолять, звать Вас вернуться, вновь соединиться с нами... Но ведь жизнь не может остановиться и мы вынуждены идти своей дорогой... Мы умоляем, зовем Вас, Владыка, мы всё ещё возле Вас и готовы подать Вам руки...

Если Вы всё же не внемлите, не возвратитесь, то, пойдёте Вашим уклоном дальше, **но без нас.**

Епископ Дамаскин.

Примечания.

¹ **Антоний /Храповицкий/, митр. Киевский и Галицкий** (1863 г. р.). Крупный богослов и молитвенник. С его подачи возродилось (правда на короткий срок) патриаршество на Руси. Участвовал в Соборе 1917-1918 гг. Один из трех кандидатов на патриарший престол. В 1920 г. был вынужден покинуть Россию с частями белой армии и беженцев. Исповеднически отстаивал перед всем миром Русскую Православную Церковь в изгнании. **Обличал деяния митр. Сергия /Страгородского/, находясь в противостоянии**

к нему. Поддерживал Катакомбную, Истинно-Православную Церковь в России. 22-го июля 1928 г. митр. Антоний, от имени Синода РПЦЗ, **объявил что Московская Патриархия — раскольниковская церковь, значит и безблагодатная. И это первое решение в дальнейшем никто не отменял.** Имел любовь к Богу в силе первохристианского чувства, глубокую религиозность, определяющуюся как «светлый и радостный аскетизм». Стяжал к старости благодатный дар умиления. Умер в Сербии в 1936 г..

² **Димитрий /Абашидзе/, архиеп. Таврический (в схиме Антоний)** — новоисповедник. Не принял декларацию митр. Сергия /Страгородского/. После закрытия Лавры в 1930 г. жил в Киеве на квартирах, окормляя катакомбную паству. В начале немецкой оккупации возглавлял Истинно-Православную Церковь на Украине, а потом передал власть вышедшему из МП и присоединившемуся к ИПЦ **митр. Михаилу.** Принял схиму. Умер в 1943 г. Погребен в КиевоПечерской Лавре.

³ **Тихон /Белавин/, Патриарх Московский и всея России** (1865 г.р.) — новомученик и исповедник. **Одиннадцатый и последний Патриарх Всероссийский.** По доносам «обновленцев» страдают бесчисленные мученики и исповедники. **Быть верным Патриарху, или , как стали называть его верных чад — «тихоновцем», стало равносильно признанию человека контрреволюционером.** Жестокое гонение не прекращалось в течение всего остатка жизни Патриарха. В 1918 г. **наложил анафему на всех тех, кто войдет в тес**

ное сотрудничество с богоборцами, принятую Всероссийским Поместным Собором 1918 г.. В 1920 г. издал Указ №362, на основании которого строилась жизнь всей Катакомбной Церкви, таким образом заложив фундамент Катакомбного движения в России. Незадолго до своей кончины Святейший

Патриарх высказал мысль о том, что, *повидимому, единственным выходом для Русской Православной Церкви сохранить свою верность Христу будет в ближайшем будущем — уход в «катакомбы».*

Поэтому Патр. Тихон благословил профессору **М. А. Жижиленко**¹⁵ принять тайное монашество, а затем, в случае, если в ближайшем будущем Высшая Церковная иерархия изменит Христу и уступит Советской власти духовную свободу Церкви — стать епископом. 7 апреля 1925г. Святейший Патриарх Тихон почил о Господе. Имеются сведения, что он был отравлен.

Р. С. Нынешняя Московская Патриархия представляет опубликованный после его кончины документ, называемый ею его «завещанием», как подлинное изъятие воли. Но это не так. Ныне не подлежит сомнению подложность этого документа, на самом деле составленного, вероятно, Тучковым, который вёл тогда советскую церковную политику.

Патриарха Тихона хотели сделать таким же послушным рабом, каким стал впоследствии митр. Сергей, но он не сломился. Поэтому народное церковное сознание и прославило его, как новомученика и исповедника Истинно-Православной Церкви.

⁴ **Пахомий /Кедров/,** архиеп. Черниговский (1876 г.р.). — новомученик и исповедник. В 1925 г. арестован в Москве по делу митр. Петра Крутицкого. В 1927 г. послан на Соловки. *После печально известной «декларации» 1927 г., совместно со своим братом Аверкием /Кедровым/, еп. Житомирским, направил митр. Сергию /Страгородскому/ обличительное послание, прекратил его поминовение и разорвал с ним всякое общение.* В 1930 г. арестован и постановлением «тройки» заключён в концлагерь на 5 лет. Отбывал на Соловках и Беломорканале; в сент. 1937 г. освобождён. Юродствовал; умер в больнице для умалишенных в г. Котельнич Вятской обл. в 1937 г.

⁵ **Пётр /Полянский/,** митр. Крутицкий (1863 г.р.) — новомученик и исповедник. В 1920 г. Патр. Тихон «постриг» Петра Полянского в монашество и 25 сент. рукоположил в сан епископа с назначением на должность патриаршего викария, с последующим возведением в сан митр. Крутицкого. 12. 04. 1925 г. — в день похорон Патр. Тихона, стал Местоблюстителем Патриаршего престола (по завещанию последнего). *Советская власть требовала от митр. Петра, как и от других заместителей (митр. Агафангела, митр. Кирилла, архиеп. Серафима), издания декларации,* (подобной той, которую впоследствии издал митр. Сергей)

и подчинения Церкви Советской власти, но он был непоколебим. За это мужественно претерпел ссылки, тюрьмы и гонения, в итоге сослан за полярный круг в пос. Хэ, где и провел остаток своих дней, оставшись стойким и упорным в своих убеждениях. Есть сведения, что по заданию Советской власти, тайно была устроена встреча с митр. Сергием /Страгородским/, чтобы последний уговорил принять его «платформу» в делах Церкви, на что митр. Петр ответил твердым отказом.

— Ну и сгниёшь на ссылке!, — крикнул ему митр. Сергей.

— **Сгнию, но со Христом, а не с тобой Иудой-предателем!**, — ответил несокрушимый Местоблюститель Петр, и... продолжал «гнить и сгнивать» более 10-ти лет.

В 1937 г. расстрелян. Погребён в г. Магнитогорске.

Митр. Пётр находился в заключениях и убит за то, что отказался от многочисленных предложений сотрудничать с богоборческой жидо-большевистской властью.

⁶ **Серафим /Самойлович/, архиеп. Угличский (1881 г.р.)** — новомученик и исповедник. В 1924 г. Патриархом Тихоном возведен в сан архиепископа. 1926-1927гг. — заместитель Патриаршего Местоблюстителя. **Советская власть требует от него, также как и от других заместителей (митр. Петра, митр. Кирилла, митр. Агафангела), издания декларации,** (подобной той, которую впоследствии издал митр. Сергей) **и подчинения Церкви Советской власти, но он не идет на это. Обличал отступничество митр. Сергия и разорвал с ним общение.** За это в 1929 г. арестован вместе с митр. Иосифом Петроградским и др. архиереями, осуждён на 3 года, заключён в Соловецкий лагерь. **Как законный предшественник митр. Сергия /Страгородского/ в должности заместителя Патриаршего Местоблюстителя, своим указом запретил его в священнослужении,** что было поддержано также другими архиереями. **Считал, что в эпоху гонений не должно быть единого централизованного церковного управления.** В ссылках возглавлял Катакомбную Церковь, поставлял священников. Заключение отбывал в Кемеровских лагерях. 09. 11. 1937 г. — расстрелян в лагере.

⁷ **Кирилл /Смирнов/, митр. Казанский** (1863 г.р.) — новомученик и исповедник, *первый Местоблюститель Патр. престола. Св. Иоанн Кронштадтский* перед смертью просил, чтобы его отпевал еп. Кирилл (в то время еп. Гдовский). Он всегда говорил прямо, смело и открыто, чем восхищались даже его враги. *Открыто не признавал Советской власти, которая требовала от него, также как и от других заместителей (митр. Петра, митр. Агафангела, архиеп. Серафима), издания декларации* (подобной той, которую впоследствии издал митр. Сергей) *и подчинения Церкви Советской власти, но он не идет на это. Не принял декларации митр. Сергея /Страгородского/.* Находился постоянно в ссылках и тюрьмах и по этой причине имел противоречивую информацию о деяниях митр. Сергея. Этим объясняется постепенное изменение его позиции по отношению к митр. Сергию, в конечном итоге приведшей его к единомыслию с митр. Иосифом Петроградским и признанию «*сергианской*» Церкви — *безблагодатной. Образовывал и благословлял образование катакомбных приходов.* Вместе с митр. Иосифом и группой духовенства (около 150 чел.) был расстрелян 20. 11. 1937 г. недалеко от г. Чимкента (Казахстан).

⁸ **Димитрий /Любимов/, архиеп. Гдовский** (1857 г.р.) — новомученик и исповедник, один из руководителей Катакомбной Церкви. *Публично назвал один из храмов, где поминали митр. Сергея — «храмом сатаны»; свидетельствовал, что высшая Церковная власть, возглавляемая митр. Сергием, «уклонилась от Православия»; призывал народ порвать молитвенно-каноническое общение с митр. Сергием и единомысленными с ним епископами. Все «сергианские» храмы называл «новообновленческими храмами», «сергианских» пастырей — безблагодатными.*

Одна юродивая в конце 20-х годов видела во сне Божию Матерь, возложившую свою руку на архиеп. Димитрия Гдовского и благословляющую его в избранном исповедническом пути. В 1928 г. митр. Иосиф Петроградский, предвидя свой арест, возвел его в сан архиепископа и назначил своим заместителем. *Архиеп. Димитрий практически возглавлял и окормлял катакомбников в разных местах России и на Украине.*

В 1929 г. арестован вместе с митр. Иосифом и др. архиереями. Расстрелян в Новгородской тюрьме в 1936 г..

⁹ **Иосиф /Петровых/, митр. Петроградский** (1872 г.р.) — новомученик и исповедник Российский. Горячий молитвенник, аскет, крупный богослов. После печально известной декларации 1927 г. митр. Сергия /Страгородского/ и многократных увещаний последнего, митр. Иосиф отделился от митр. Сергия и **стал одним из возглавителей Катакомбной, Истинно-Православной Церкви**. Его именем называла себя самая непримиримая ветвь катакомбного движения — «иосифлянская», — которой он был идейный и духовный

руководитель. Владыка Иосиф высказал свою церковную позицию в письме к архим. Льву /Егорову/ (февр. 1928 г.):— **...Не мы уходим в раскол, не подчиняясь митр. Сергию, а вы, ему послушные, идёте за ним в пропасть Церковного осуждения.**

В 1928г. арестован и сослан в пустыни Казахстана, где пребывал, подчас, в нечеловеческих условиях (около 10-ти лет его ложе, состоящее из досок, было разделено несколькими жердочками от свиней, в плетённом сарае. Летом — невыносимая жара, зимой — мороз до 50-ти гр.). В 1937 г. расстрелян вместе с митр. Кириллом Казанским и группой духовенства (ок. 150 чел.), недалеко от г. Чимкента (Казахстан).

¹⁰ **Димитрий /Иванов/, протоиерей** — новомученик и исповедник. Настоятель храма в Покровском монастыре г. Киева. **Отец Димитрий первый из Киевского духовенства отделился от митр. Сергия /Страгородского/ и присоединился к «иосифлянскому» движению ИПЦ.** В 1929 г. назначен архиеп. Димитрием Гдовским благочинным Киевских приходов. Поддерживал связи с другими катакомбниками России и Украины. Автор нескольких анти-сергианских листовок.

Несколько раз был арестовыван и сидел; последний раз в 1937 г.. Подвергся в тюрьме истязаниям, а затем его, истерзанного, измученного отправили в Архангельск, где он и скончался. Подробнее о нем можно узнать из брошюры нашего издательства «Схиигуменья София Киевская», глава «Новомученик отец Димитрий /Иванов/».

¹¹ **София /Гринева/, игуменья** (1873 г.р.) — последняя игуменья Покровского монастыря в Киеве. **После издания декларации митр. Сергия /Страгородского/, отделилась от «сергианской» церкви, и присоединилась к «иосифлянскому» движению ИПЦ, в котором пребывала до конца дней своих.** С 20-ю верными сестрами она вышла из монастыря и пребывала в катакомбной общине, созданной ею и окормляемой о. Димитрием /Ивановым/.

Пострижена в схиму в 1934-ом г. **еп. Дамаскиным Глуховским**. Скончалась после многолетней болезни 4 апр. 1941 г. Подробнее о ней можно узнать из брошюры нашего издательства «Сиигуменья София Киевская».

¹² **Максим /Жижиленко/, еп. Серпуховский** (1885 г.р.) — новомученик и исповедник. В миру — профессор медицины; работал врачом тюрьмы Таганка в Москве. **Патр. Тихон** глубоко чтит его и доверял ему самые потаённые мысли и чувства. **Патр. Тихон благословил доктору Жижиленко принять тайное монашество, а затем, в случае, если в ближайшем будущем высшая церковная иерархия изменит Христу и уступит Советской власти духовную свободу Церкви — стать епископом.** Профессор Жижиленко выполнил волю покойного Патр. Тихона.

В 1928 г. «иосифлянские» архиереи **Димитрий /Любимов/ и Сергей /Дружинин/** тайно посвятили о. Максима в епископа в Петроградском храме на Пискаревке. Это было первое поставление «иосифлянами» катакомбного архиерея. — **Советская и Катакомбная Церкви — несовместимы**, — твёрдо и убежденно говорил вл. Максим, — **тайная, пустынная, Катакомбная Церковь анафематствовала «сергиан» и уже с ними.**

Проживал в г. Серпухове, возглавляя «иосифлянское» движение Московской и части Ярославской областей, а после ареста **еп. Алексия /Буй/** окормлял также и Воронежских, и, частью, Украинских «иосифлян». В 1929 г. осужден на 3 года Соловецкого лагеря. На Соловках продолжает свою пастырскую деятельность: окормляет духовенство и просто верующих, совершает, вместе с другими епископами и священниками, не пошедшими в раскол за митр. Сергием, тайные богослужения. Был расстрелян в 1931 г. в Москве, в Бутырской тюрьме. Подробнее о нем можно узнать из брошюры нашего издательства «Новосвященномученик Максим, епископ Серпуховский».

СОДЕРЖАНИЕ

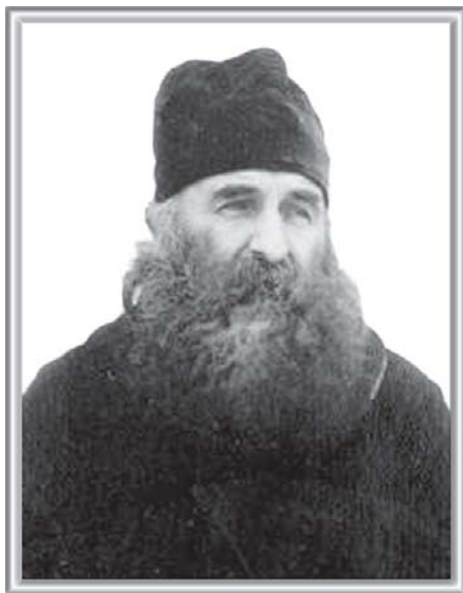
Житие новосвященномученика Дамаскина.	5
Киевское послание.....	22
Послание епископа Дамаскина Глуховского митрополиту Сергию /Страгородскому/.....	40
Примечания.....	60

На первой странице обложки расположена икона "Собор святых новомучеников Российских от безбожников избитых". Редакцией выделен лик новосвященномученика Дамаскина, епископа Глуховского.

*Теперь широкая деятельность невозможна,
прошла пора длинных посланий к многочис-
ленным верующим, многолюдных собраний на
богослужения.*

*Время борьбы за церковную правду уже
миновало. Осталось одно: уйти в молитву
и умозрительную духовную жизнь.*

Новосвящ. Дамаскин

Святый новосвященномучениче
отче Дамаскине, моли Бога о нас.

Вот подлинная сущность современной
"Советской Церкви", которую с исповедничес-
ким дерзновением предвещал еще при лже-
патриархе Сергии истинный столп право-
славия новосвщмч. Дамаскин, епископ
Глуховский:

"...с высоты последнего прибежища отвергнутой миром правды, с высоты амвона зазвучат слова лицемерия, человекоугодничества и клеветы... и там, где мерцал светом не вечным Образ воплощенной Истины, смеется в отвратительной гримасе личина отца лжи... **все пожь, пожь каждое слово, каждая молитва, каждое таинство...**"

Новосвящмуч. Дамаскин, еп. Глуховский.